

О Назирове

Е. Жигарин

1 31.12.2016

Давай, рассказывай, открыл посылку?

— Открыл.

— Что-нибудь попробовал, съел? Книжечки полистал?

— Ничего не стал есть. Расставил всё по полочкам. Сажу на табуретке, смотрю на полочки, люблюсь: я у тебя зажиточный теперь.

— Там половина посылки еды. Поешь хоть на новый год хорошенько!

— Дочь, ты старую песню запела. Что мне еда, когда ты мне книжечку прислала? Посмотрел твоё Монтескье. Ничего, читается нормально. Открыл и закрыл, потому что Ромэна Гафановича Назирова надо дочитать. Я не люблю сразу несколько книг читать одновременно. К тому же этот самый Гафанович — эрудит феерический. Уважить его прочтением надо всенепременно. Он вроде как мифом занимается, а на самом деле и литературой. . . Он историк литературы. Для меня это закрытый мир. Я литературой никогда не занимался. Мне это всё интересно. Некоторые обобщения у него на уровне. Иногда он даже прорывается к спекулятивным высотам. Чудно это всё для нашей культуры. Я всегда ее считал периферийной частью. . . А здесь. . . Ну, например, такой пассаж: следующая форма мифа обращает внимание на предшествующий отрицаемому мифу, на архаику. . . опираясь на нее, формирует новый модус мифологии. Ну, это же чистое отрицание отрицания!

Ну, эти вкрапления фрагментарны и не являют сам дух исследования. И этот добротный энциклопедизм. . . с чем его сравнить-то. . . С Лосевым что ли. . .

И тем не менее Гафаныч наезжает на Гегеля. Он прямо неравнодушен к нему, прицепился к нему, как банный лист к немецкой жопе. . . Благородное негодование своё показывает. Я этот пафос встречал и раньше в разговорах с Марксом, с Лениным, с неокантианскими персонажами. Пытаюсь вот понять: зачем им так ревниво преподносить миру свою поверхностную критику? Критика эта несерьёзна. Ну, например, Назиров критикует Гегеля за то, что из его концепции делают другие. Выводы из определённых философских позиций последователей Гегеля,

на практике приводят к печальным последствиям, общественным аномалиям. Ну эдак можно изобретателя колеса критиковать за то, что автомобиль в Берлине наехал на толпу. Или изобретателя топора мы обвиним в том, что Федька Достоевский создал образ Родьки Раскольников, расшибающего топором черепушку старухи-процентщицы. Это несерьезно. Радикализм никогда не чувствует меры. А таким мыслителям как Гегель чувство меры было свойственно. Он же не ответственен за то, что у его последователей стали проявляться радикальные манеры. И тем не менее здесь критика меня интересовала. Но есть ещё психологическая подоплёка. . . И вот здесь я чувствую у Назирова. . . как и у Вовки Ильича, земляка нашего с тобой, который Гегеля идеалистической сволочью называл. . . ощущение некоторой степени зависти что ли. Это те вершины, которые оказываются не по зубам. А желание приподнять себя за волосы из болота, как Мюнхгаузен, всё-таки есть у всякого творческого человека. Эти люди обычно чрезмерно самолюбивы. Для них препятствий не должно существовать, Потому что они смыслом жизни поставили интеллектуальное преодоление всех барьеров. И им похую мера и адекватность, старуха моя. Мы с тобой скромные самолюбцы, так что ты меня понимаешь. . . Но я вот чувствую, что в Гафаныче бурлит эта имперская кровь. Ну вот как приподнять себя над болотом? Остаётся Гегеля поругать хорошенько.

Всё, старуха, относительно. Не только претензии я у Гафаныча вижу, но и реальные его творческие способности. Он же такой огромной информацией ворочает! Широкий мужик, уважаю: от архаичных времён, от первых проблесков абстракции в архаичном обществе — и до XXII Съезда КПСС. Молодец! И всё в одной книге. Но этот энциклопедизм чреват. Гафанычу надо было быть поскромнее и поосторожнее. . . У Гераклита и у Гегеля самолюбие было на сотню таких, как Гафаныч. . . А что у них какие-то ошибки были — так я вот на это даже внимание не обращаю, потому что это, во-первых, было периферией их интеллекта, во-вторых, общественные условия, которые позволяли иметь общение, влиять на общественность, — эти условия позволяли внимательно контролировать себя и не допускать таких явлений как Фихтенька допустил. Фихте ж исключили из университета. . . Ну, в этой, блять, учёной семье университета, всегда черти водятся. Ну, он ляпнул что-то свобододлюбивое. А время было монархическое. Ну, его уволили. Это всё было на глазах Гегеля. И ему приходилось корректировать своё поведение. И то, что Гегель писал, и то, в чём ошибался — всё это можно интерпретировать по-разному. Свёл, сука, всё государство к личности, как Людовик XIV! Как же он, недоделок, мог! У Гегеля же про умного самодержца написано, да. Но вопрос: если б он не написал этого, он бы был Гегелем

или нет? Или бы его заткнули, или бы порешили.

Но если посмотреть, что Гегель написал ещё, то есть не абстрагировать у него какую-то одну сторону, а смотреть, что он написал относительно зрелости нации, необходимости гражданского общества, да сам принцип конституционности — он заключается в контроле обществом власти. Вот если Гегеля почитать внимательно, то там очень серьёзные мысли относительно гармонизации государства и народа. Ну, а Гафаныч этого не заметил. Почему? Да потому что серьёзно он его не прочитал. Он его не мог прочесть, потому что если бы он его читал, он бы ничего остального не прочитал. Ну как читается литература твоя, дочь? Она же читается, твою мать, напереискосок: от левого верхнего угла страницы к правому нижнему углу. А Гегеля так читать нельзя. Там над каждым абзацем мыслями умри и воскресни. Эта особая форма чтения. Она присуща тем, которые серьёзно математикой занимались. Литературе это не под силу. С другой стороны, обыденное сознание в литературе, в истории, в пространстве времени — оно же исходит из аристотелевской логики. Аксиоматика противоречия — для него это трансцендентное пространство. Это как. . . Раз евклидова геометрия — это правда, то неевклидова — это ложь. Как Гафаныч пишет, миф содержит в себе противоречие, а вот философия. . . — нет. А что это значит? Значит, он не понимает ни Гегеля, ни Гераклита, ни любого другого философа, который в своей аксиоматике ставит главным противоречие. А ведь аксиоматика противоречия — она более широкая, чем аксиоматика непротиворечия. А почему? Потому что противоречие к самому противоречию требует непротиворечия. То есть аксиоматика противоречия включает в себя непротиворечие. Отсюда, например, высказывание Гегеля, о том, что разум без рассудка — ничто, а рассудок и без разума нечто. Он очень ценил Аристотеля! И посмотри на все его книги! Это же абсолютный энциклопедизм! И тем не менее вот критика рассудка со стороны разума имеет место быть. Но он критикует не форму, не логику тождества как таковую, а ограниченность сознания этой логикой. Если аксиоматику противоречия расширить, включая в себя и логику тождества, можно достаточно легко, то обратное — то есть от логики тождества перейти к логике противоречия — это прорыв. А синтез почти невозможен. Ну, ты, наверное, помнишь, проблемы взаимопонимания Гераклита и Парменида. Гераклит понимал Парменида. Он говорил: «В ОДНУ и ту же реку». Значит, он понимал, что река — одна и та же. Так же как Парменид говорит: «Бытие есть, а небытия нет». Но Парменид не понимал Гераклита, который говорил, что то, чего нет, оно тоже есть. В эту самую реку, которая есть, в нее нельзя войти дважды. То есть ее нет. Бытие, дочь старуха, заражено небытием. Это раскрывает во всей своей «Науке логики» Ге-

гель. Именно эту тему он и разворачивает. Эту коллизию Парменида и Гераклита берёт за основу.

Любой миф вкрапливается, как рабочая лошадка в научную систему. И элементы науки были свойственны даже архаичному мифу. Таким образом мы имеем сложное явление человеческого сознания. Миф — это не только подсознание. Мы ведь не всё сразу понимаем и схватываем. Мы вынуждены предполагать. И в наших планах обязательно мифотворчество присутствует. Особо у малоопытных людей. Но и умудрённые опытом люди — тоже достаточно примитивны. Они вырабатывают норму и по этому шаблону начинают думать. И, как правило, уже не способны перейти к другой системе координат. Это характеризует преимущество малой просвещённости.

Гафаныч молодец. У него идеи — как дрожжи в моей фляге с самогонном. Гафаныча читать надо. Я тут мимо этой книжки сто лет ходил. Думал: да что этот башкир? Они ведь вот только что с коней сползли, да ничего тут серьёзного быть не может! А потом смотрю: а парень-то Европой занялся! Почти как Бахтин орудует! Он эту Европу через колено да наизнанку выворачивает! К душе мне это! Балуеть ты меня со своими друзьями, ой, балуеть! Мне б такую дочь да лет сорок назад.

— Мне было бы семьдесят шесть.

— Ну и так ты старуха. Избалуеть совсем — брошу огород сажать, буду только книжки твои читать, и как Федюнька Ницше ёбнуть. Хотя нам с тобой это не грозит. Он же гений был, а мы с тобой — балда на балде да балду балдой погоняет. Ну, я Гафаныча наполовину прочитал. На недельке закончу. Очень хорошо читается. Мне очень интересно, материал самый разнообразный. Он много чего говорит такого, чего я никогда не знал раньше. Он вот всю поднаготную Просвещения старается вскрыть. талантливый мужик. Кланяйся уфимским друзьям. Я тут пирую! Абсолютный дух чувствует неравнодушие к себе со стороны уфимской мысли — это точно.

2 16.01.2017

Отец, жив?

— Жив, старуха. Сходил за посылочкой. Гельдердина получил — поклон Петру передай, уважил старика. Я ж всю жизнь мечтал о Гельдерлине! Жаль, что могу читать только переводы, но мне бы только прикоснуться к эху его творчества. Они ж с Гегелем были два сапога пара. . .

А Назирова вашего я, дочь, прочитал. Как только до Гегеля дошло —

понял, что мужик порет чёрт знает что. Тон у него страшный. Если б у него была власть, он бы, конечно, полностью бы запретил бы гегелевский текст в России. Я думаю, такие же люди запретили когда-то генетику и кибернетику. Я ещё застал все времена, где это всё клеймили калёным железом патетического словца как буржуазные науки.

Нехорошо так. Принято у нас то, что мы не понимаем, считать тем, что мы понимаем, — и клеймить. Я не знаю, как тут считать. . . Сначала мне показалось, что в бочке мёда есть ложка дёгтя. Потом попристальнее вдумываться начинаешь — и нет. . . Тут, скорее, бочка дёгтя обмазана мёдом энциклопедизма. Человек много читал, много понимает в жизни.

Трудно совместить энциклопедизм и серьёзную мысль. А серьёзную мысль чаще вышарапывают из очень простых вещей.

Вот Гераклит наблюдал реку. Наблюдал — и открыл первый закон, первую аксиому спекулятивной логики о действительности противоречия, о ее реальности. Бытие и небытие — есть в своём истоке одно и то же. Многое, из того, что есть, ещё нет. А многое, из того, что есть, — его уже нет. Всё течёт. И это тоже очень серьёзный элемент реальности вместе с законом тождества. Для самого противоречия, для того, чтобы оно состоялось, приобрело научную форму, нужно включить в себя и тождество, то есть отсутствие противоречия. Противоречие по отношению к самому себе — оно исходит из тождества противоречия и непротиворечия. Вот эта проблема, над которой и Гегель бился.

Назиров ваш обвиняет Гераклита в том, что он совершенно не врубается в истину логики тождества. Не врубается. . .

Я думаю, что пласт учёности, который, представлен и Назировым, достаточно поверхностен. . . Нет, Гегеля он читал, но не вчитывался. А если исходить из важности количества прочитанного, а не качества понятого, то, конечно. . .

Чтобы диссертации писать и кафедры занимать. надо демонстрировать свою учёность. Есть у каждого времени свои научные тренды. Что поделывать.

Ослиным копытом Гегель лягается, ага.

Вся критика Назировым Гегеля — несерьёзна. И не шли мне больше таких книг. Печален я от них. Сегодня крышу чистил от снега — так чуть печальный с крыши не упал. Побереги уж отца-старика.

3 20.01.2017

Ты Назирова самого-то читала? Вот эту работёнку «Четыре философа»? Ты почитай, почитай. Посмотри, как достаточно сильные умы допускают

такие вот ляпы. Очень полезное чтение. Буквально там пара страничек. Сам стиль повествования наводит на нехорошие чувства. Человек явно переходит границы своих возможностей. Очень нехорошее впечатление именно от таких главков. В остальном неплохо, мужик начитанный. Рефлексия достаточно объёмная, хорошая. Но вот эти вот главки. . . Зачем ему надо было вообще на Гегеле фокусироваться?! Сказал бы пару слов нейтральных — и хер бы с ним. Нет, он полез в банку. И плохо. Это плохо. И не только для него, а для всей нашей культуры, которая застревает на внешней рефлексии. А ещё Гегель говорил, что рефлексия не достигает понятия, понимания. И лучше не лучше него никто и не сказал: начинающее мышление начинает всегда с осуждения. Это точно. Это из «Философии права», по-моему. И у него было о том, что оценивать надо мыслителя не по тому, как он ошибается. . . ошибок у Гегеля полно — недочётов и недознаний. . . как и у каждого: и у Платона, и у Аристотеля. . . А надо видеть, какой вклад он сделал в историю мысли, в ее совершенствование.

А вот тут я читаю Жанушку-Жакушку Руссо. . . Он интересное сравнение в связи со своей критикой продемонстрировал: критика некоторых людей подобна тому, как вот если из целого поля пшеницы выбрать несколько сорняков и начать вопить о том, что кто-то кого-то хочет отравить. Вот какой образ он создаёт.

Так что, старуха моя, великие люди делают великие ошибки.

Я тебе говорил, как я тут с одним академиком разговаривал? Он у нас по электрическим цепям в политехническом институте уж больно академик большой. Написал в журнале местном статью о социально-политическом положении России. Ну, я ему звоню с работы. Телефонный номер у него под статьёй был указан. Он меня спрашивает: «Вы в сущности кто?» Я ему: «Оператор котельной второго разряда я в сущности». «Ну, и что тебе нужно, оператор котельной второго разряда?» Я говорю: «У меня по такой-то Вашей статье замечания». — «Ну, давайте». Я ему четырнадцать замечаний сделал по статье. Он ничего мне не сказал относительно них, сказал, что-де обговорить всё это надо бы конфиденциально. А я ему: у меня нет времени, я человек рабочий, у вас на кафедре философии можно получить разъяснения по поводу этих замечаний.

Всегда надо понимать, где ты знаешь, понимаешь, а где нужно уступить место другой культуре. Они же совершенно не понимают, что аксиоматика противоречия — это целая большая дорога серьёзных философских войн и размышлений, идущая даже не от Гераклита, она ещё древнее. Отсутствие включения этой аксиоматики в исследование природы и общества — оно. . . как бы не способствует нормальной ориентации в жизни. А человек низок. Не успевает заработать формальный статус,

как смотрит на всё и всех сверху, пытается говорить обо всём с оценкой и как знающий. Вот Назиров — он хороший мужик, но, сука, литератор.

Ладно, моя, извини, что я отнял у тебя кучу времени. Не могу заткнуть свой фонтан по поводу Ромэна Гафаныча. Серпом по яйцам он меня своим текстом саданул.